

Акименко Н. А.

ТИПЫ ПОВТОРОВ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НЕСКАЗОЧНОГО ФОЛЬКЛОРА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 17-20. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

лы самого самого суть именно такие явления тайны, очень понятные и ясные, вполне **представимые и мыслимые явления тайны как тайны**» [Лосев 1999: 460].

Окказиональное прилагательное Лосева «воззрительное» (также с сакральным значением) совмещает «сущностное» и «зрительное», что соотносится с понятием «интеллектуальной интуиции», далее Лосев разворачивает ряд форм на «-ем/-им», как градаций и ипостасей «воззрительного» - «наглядны, воззрительны, созерцаемы, видимы очами ума»: «...предметы ума, смысловые, сущностные предметы, тоже наглядны, воззрительны, созерцаемы, видимы очами ума» [Лосев 1999: 631].

Рассмотрение семантики и функционирования причастий на «-ем/-им» в философских текстах демонстрирует, что развитие этой формы можно рассматривать, с одной стороны, как уже сложившиеся данные развития определенной семантики, отличающейся от общеязыковой, так и в сфере потенциальности, то есть в связи с возможностью дальнейшего развития русским языком той семантики и грамматической семантики, которая уже сейчас очевидна в языке философии.

Список использованной литературы

1. Бондарко А. В. Теория значения в функциональной грамматике. - М., 2002.
2. Бубер М. Два образа веры. - М., 1995.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. - М., 2006.
4. Вайян. Руководство по старославянскому языку. - М., 1952.
5. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. - М., 1975.
6. Друскин Я. С. Лестница Иакова. - СПб., 2004.
7. Кузанский Н. Сочинения. В двух томах. - М., 1979. - Т. 1.
8. Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. - М., 1999.
9. Подорога В. А. Мимесис. - М., 2006. - Т. 1.
10. Соловьев В. С. Сочинения в 2-х тт. - М., 1990.
11. Франк С. Л. Сочинения. - М., 1990.
12. Шестов Л. Философия трагедии. - М., 2001.
13. Шпет Г. Г. Философские этюды. - М., 1994.

ТИПЫ ПОВТОРОВ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НЕСКАЗОЧНОГО ФОЛЬКЛОРА

Акименко Н. А.

Калмыцкий государственный университет

Различные виды повторов в той или иной мере входят в фольклорное пространство англо-саксонской лингвокультуры, поскольку тексты легенд, эпических произведений, фольклорных рассказов, анекдотов, рыцарских книжных романов обладают высокой степенью связности, где повтор является одним из важнейших структурообразующих средств. Чрезвычайная распространенность повторов в фольклоре привлекала многочисленных исследователей: филологов, лингвистов, литературных критиков, поэтов и прозаиков на анализ и изучение их функционирования в текстах [Чуковский 1990: 252-340; Невара 1979; Гронская 1998; Амроян 2000; Полубиченко Л. В., Егорова О. А. 2003 и др.]. Методика нашего анализа заключается в изучении несказочных произведений, по имеющимся у нас данным не проводившегося на материале английского языка до настоящего времени. Анализ дополняется сравнением выявленных типов повторов с повторами, типичными для англоязычных сказочных текстов.

Материалом исследования послужили поэма “Beowulf”, повествующая о событиях, свершившихся до эпохи Великого переселения народов, где мифопоэтический компонент является одним из пластов героического повествования; легенды из фольклорного сборника “Folktales of England” К. Briggs, представляющие собой микротексты с незначительной степенью литературной обработки; бытовавшие на протяжении веков в устной и письменной традиции легенды о короле Артуре, литературно обработанные Томасом Мэлори в XV веке. Макроструктурное произведение “Le Morte d’Arthur”, - рыцарский книжный роман (отчасти эквивалентен народному роману), значительно отличается по специфике языка от текстов фольклорных легенд, что и послужило основанием для их разграничения. Кроме того, исследовались традиционные англоязычные анекдоты, рассматриваемые нами как особый тип текста, приближенный к фольклорному рассказу.

В каждой из представленных жанровых разновидностей фольклорных текстов актуализация повтора имеет свои особые черты. Повторы в эпической поэме “Беовульф” преимущественно имеют аллитерационный характер, так как древнегерманское стихосложение основывалось на ритме, определявшем число ударных слогов в стихе. Аллитерационный повтор характеризуется созвучием начальных звуков слов, находящихся под смысловым ударением и повторяющихся в двух соседних стихах: *wide and wondrous, wound with bands; and in artful wise it all was wrought; unhallowed wight, grim and greedy, he grasped betimes, wrathful, reckless, from resting-places, thirty of the thanes, and thence he rushed fain of his fell spoil, faring homeward, laden with slaughter, his lair to seek* [Ch. II].

Адресант использует контактные синонимические повторы слов, клишированных и свободных словосочетаний. Повторы слов и словосочетаний бывают синонимичными и частичными “корневыми”. Ядерное слово в синонимичных словосочетаниях может находиться как в препозиции, так и в постпозиции, а также

обрамляться соответствующими определениями с обеих сторон или в цепочечном порядке: *the band sat down, and watched on the water worm-like things, sea-dragons strange; these liegemen mine he ruined and ravaged. Reft of life, in arms he fell; the strangest being, loathsome, lying their leader near, prone on the field, the fiery dragon, fearful fiend, with flame was scorched* и другие.

Особым видом повтора в поэме может быть назван интертекстуальный повтор. К примеру, в главе I описывается отрывок из книги Бытия [1, 1-22] о сотворении мира, а описание Гренделя служит аллюзией на сюжет книги Бытия [4: 8-16] о первом убийстве на Земле. В сознании рассказчика он сочетается с языческими верованиями в великанов, эльфов и фей: *On kin of Cain was the killing avenged// by sovran God for slaughtered Abel.// Ill fared his feud, and far was he driven,// for the slaughter's sake, from sight of men.// Of Cain awoke all that woful breed,// Etins and elves and evil-spirits,// as well as the giants that warred with God// weary while: but their wage was paid them!* [Chapter I].

В тексте поэмы присутствует множество аллюзий, на которых адресант не акцентирует внимание слушателей, вероятно, по причине их прецедентности в ту далекую от современного читателя эпоху. По этой причине в настоящее время адресат при декодировании смысла приходит к заключению, что основной сюжет в “Беовульфе” все время возвращается к уже сказанному, прерывается реминисценциями и отступлениями от основной линии произведения. “Беовульф”, как и рыцарский роман “Смерть Артура” содержит немало эпических противоречий, считающихся разновидностью повтора [Бернштейн 1993: 835; Волков, Волкова 2000: 44-45].

В жанре легенд и волшебных сказок встречается анадиптоза, подхват адресантом последнего слова или словосочетания предыдущей фразы (части фразы) в начале последующей. *Turn again, Whittington, Thrice Lord Mayor of London. “Lord Mayor of London!” said he to himself (“Whittington and His Cat”). And the giant called out to him. “I say,” he said, “how far is it to Shrewsbury?” “Shrewsbury?” said the cobbler; what do you want at Shrewsbury?”* [“The Origin of the Wrekin”]. В некоторых легендах, а также кумулятивных и волшебных сказках повторение ключевых слов и словосочетаний создает различную степень ритмизации текста. В кумулятивных сказках распространены повторы через регулярный интервал, в волшебных бытовых и легендарных - через нерегулярный интервал для усиления категоричности высказывания, в которое адресат должен поверить либо принять за занятую комическую ситуацию (кумулятивная сказка “Teeny-Tiny”, волшебная бытовая сказка “Visitor from Paradise”, легенда “Room for one More”).

Повторы, иногда тавтологические, свойственные территориальным диалектам и просторечным выражениям, сопровождаются паузами deliberации, нерешительности, паузами самокоррекции, запинки или прерывания вследствие вмешательства собеседника:

Well, they did so, and the vather ‘e stood by... [“Marshall’s Elm”]. *They had to cross the river by a ford. Guarding this ford was two of Cromwell’s soldiers* [“The Grey Goose Feathers”];

Well, well then, well, well, on the boghee veg (poor little thing) [“The Fairy Child and The Tailor”];

‘Granpapa!’ The king went on talking. ‘Granpapa!’ ‘Be quiet, David.’ ‘But, Granpapa -’ The king finished the conversation, and then said, ‘Well, what was it?’ Oh, it’s nothing, Granpapa. There was a slug on your lettuce, but you’ve eaten it now [“King Edward and the Salad”].

Стилю рыцарского романа Т. Мэлори присущи общефольклорные эпические черты: аллитерация имен собственных действующих персонажей и созвучных топонимов. По сложившейся германской традиции аллиментируются имена близких родственников: *So Sir Uwane was discharged. And when Sir Gawaine wist that, he made him ready to go with him; and said, Whoso banished my cousin-germain shall banish me* [Book IV, Ch. XVI]; *how Balin met with his brother Balan; two strong castles of his, of the which the one hight Tintagil, and the other castle hight Terrabil* [Ch.I].

В тексте встречаются постоянные субстантивно-адекативные и адвербиально-адекативные словосочетания: *fair damosel, wonderly wrath*. Повтор созвучных, рифмующихся слов встречается по всему тексту романа: *The king liked and loved this lady well* [Ch.I]; *When the duke had this warning, anon he went and furnished and garnished two strong castles of his, of the which the one hight Tintagil, and the other castle hight Terrabil* [Ch.I]; *Then Sir Tristram used daily and nightly to go to Queen Isoud* [Book VII, Ch. XXXIV].

Адресант использует частичный корневой повтор: *the hart leapt a great leap* [Book III, Ch. V]. Контактные синонимические и дистантные повторы, полные и частичные параллельные конструкции, приводящие зачастую к своеобразной тавтологии, вероятно, необходимы для достижения особой эстетической функции фольклорного текста:

... that came from as false a sorceress and witch as then was living; and the duke was called the Duke of Tintagil. And so by means King Uther sent for this duke, charging him to bring his wife with him, for she was called a fair lady, and a passing wise, and her name was called Igraine [Book I, Ch. I];

... the Questing Beast that had in shape a head like a serpent’s head, and a body like a leopard, buttock like a lion, and footed like a hart [Book VIII, Ch. XII];

... for the high Lord which he served He him preserved [Book XV, Ch. II].

Параллельные конструкции и повтор часто сочетаются со стилистическим приемом антитезы: *What the devil is upon thee this day? For Sir Palomides’ strength feebled never this day, but ever he doubled his strength* [Book VIII, Ch. LXXI]. Полисиндетон и анафорическое употребление лексически тождественных слов и словосочетаний создают ритмико-мелодическую структуру текста, уподобляющую его устному произведению: *And then he laid him down to sleep. And then him thought there came an old afore, the which said: Ah, Launcelot of*

evil faith and poor belief, wherefore is thy will turned so lightly toward thy deadly sin? And when he had said thus he vanished away, and Launcelot wist not where he was become... [Book XV, Ch. V]. *And then he told her altogether word by word, and the truth how it befell him at the tournament. And after told her his advison that he had had that night in his sleep* [Book XV, Ch. VI].

Троекратный эпический повтор используется как в структуре отдельной главы, так и в макроструктуре отдельной книги или всего произведения. Например, Мерлин имеет обыкновение при встрече дважды являться в чужом обличье, а затем в своем: *Right so came by him Merlin like a child of fourteen year of age, and saluted the king, and asked him why he was so pensive. ...So departed Merlin, and came again in the likeness of an old man of fourscore year of age, whereof the king was right glad, for he seemed to be right wise. ... I am Merlin, and I was he in the child's likeness* [Book I, Ch. XX].

Макроструктурный повтор-проспекция того, что произойдет впоследствии, используется как автором, так и персонажами (в основном Мерлином): *Ah, said King Arthur, ye are a marvellous man, but I marvel much of thy words that I must die in battle. Marvel not, said Merlin, for it is God's will your body to be punished for your foul deeds; but I may well be sorry, said Merlin, for I shall die a shameful death, to be put in the earth quick, and ye shall die a worshipful death* [Book I, Ch. XX].

Кроме того, в романе встречаются макроструктурные повторы-ретроспекции. Описание уже знакомых адресату событий происходит при помощи компрессии и семантического повтора. Например, рассказ о том, как и когда был зачат Артур будущей супругой короля Утера, который впоследствии признался, что отцом ребенка был он сам: *The same night that my lord was dead, the hour of his death, as his knights record, there came into the castle of Tintagil a man like my lord in speech and in countenance, and two knights with him in likeness of his two knights Prastias and Jordanus, and so I went unto bed with him as I ought to do with my lord, and the same night, as I shall answer unto God, this child was begotten upon me* [Book I, Ch. II].

Повторы эпизодов и типичных коммуникативных ситуаций играют далеко не последнюю роль в романе. Например, ритуализированное поведение в битве, извлечение меча из камня Артуром и Галахадом, узнавание имени персонажей, чудо по случаю религиозного праздника. В тексте встречаются интертекстуальные и интертекстуально-аллюзивные повторы. К интертекстуальным повторам относится встроенный рассказ о любви Тристана и Изольды, а к интертекстуально-аллюзивным повторам - рассказ Моисея, автора Пятикнижия, о толковании снов библейским персонажем Иосифом [Быт. 41: 17-33], продолжаемый далее персонажем романа, и другие аллюзии на разнообразные религиозные источники, что перспективно рассматривать в свете когнитивной подхода к исследованию повторов.

В английских анекдотах могут встречаться повторы различного вида, если случатся целям этого жанра. В особом типе текста, так называемых "rounds" четко прослеживается прагматическая интенция адресанта в бесконечном повторении целостной структуры анекдота для создания юмористического эффекта неожиданного быстрого завершения. В тексте "The Endless Tale" используется кольцевой итеративный повтор: "It was a dark stormy night, and the Captain stood on the bridge, and he said to the Mate, "Tell us a yarn". And the Mate began, "It was a dark stormy night, and the Captain stood on the bridge, and he said to the Mate, "Tell us a yarn." And the Mate began," etc.

В данном жанре, в соответствии с целями дискурса и юмористической тональностью общения, также могут использоваться паузы hesitation и повтор, вербализуемый вследствие сильного эмоционального напряжения персонажа: "... Tommy, you are always making silly remarks without thinking. When you want to make a remark you must always think three times before you speak." ... Tommy looked at him and then said very slowly: "Father, I think - // "Father, I think - // "Father, I think your coat-tails are on fire." // "You silly boy! Why didn't you say so at once?" ["Father, I Think"].

В анекдотах употребляется и троекратный эпический повтор эпизодов, дополняющий контактные лексические повторы. Например, в анекдоте "The Tortoises' Picnic" антропоморфные персонажи, супруги-черепахи и их ребенок, отправляются на пикник. Сборы занимают три месяца (первый эпизод), через три года черепахи достигают места назначения (второй эпизод), отправляют домой ребенка за забытым консервным ключом (третий эпизод). Контактные и дистантные повторы, создают эпичность фольклорного текста, в его сильной позиции, то есть в конце, замещаются адресантом на языковые средства создания комического эффекта, что служит целям создания жанра анекдотов: *So they waited, and another year passed, and another, and they got ravenous. "It's six years now," said Mother Tortoise. "He ought to be back now." "Yes, I suppose he ought," said Father Tortoise. "Let's just have one sandwich while we're waiting." ...But just as they were going to eat them, a little voice said, "Aha! I knew you'd cheat." And Baby Tortoise popped his head out of a bush. "It's a good thing I didn't start for that tin-opener," he said.*

Таким образом, наши наблюдения показывают, что повтор представлен во всех исследуемых фольклорных текстах. В эпической поэме "Беовульф" используются различные виды повторов: аллитерационный, контактный синонимический, интертекстуальный. В легендах и волшебных-легендарных сказках повторы имеют нерегулярный характер. Повторы рассредоточены, случайны и приобретают по преимуществу семантический характер. Повторы различного вида все чаще переходят в разряд частичных, вследствие этого нарушается ритмизация, свойственная традиционным сказочным текстам.

В анекдотах зафиксированы контактные и дистантные повторы, создающие эпичность фольклорного текста. В сильной позиции, конце текста анекдота повторы замещаются адресантом на языковые средства создания комического эффекта, что служит целям этого жанра.

Стилю рыцарского романа присущи общефольклорные эпические черты: аллитерация, повтор созвучных личных имен, топонимов, частично синонимичных слов, частичный корневой повтор, контактные синонимические повторы, полные и частичные параллельные конструкции, приводящие к своеобразной, обладающей эстетическими функциями тавтологии фольклорного текста, троекратный эпический повтор в структуре отдельной главы и в макроструктуре отдельной книги или всего произведения. Как и в эпической поэме, в рыцарском романе встречается макроструктурный повтор-проспекция и ретроспекция. Кроме того, встречаются повторы эпизодов и типичных коммуникативных ситуаций, интертекстуальные и интертекстуально-аллюзивные повторы, что сближает данные фольклорные жанры.

Список использованной литературы

1. **Амроян И. Ф.** Типология цепевидных структур. - Тольятти, 2000. - <http://www.ruthenia.ru/folklore/amroyan1.htm>.
2. **Бернштейн И. М.** Примечания // Смерть Артура. - М.: Наука, 1993. - С. 835-867.
3. **Волков А. М., Волкова З. Н.** Беовульф. Англосаксонский эпос: Учебное пособие по курсу «История английского языка». - М.: Издательство УРАО, 2000.
4. **Гронская О. Н.** Языковая картина мира немецкой народной сказки: Автореф. дис... д-ра филол. наук. - Санкт-Петербург, 1998.
5. **Невара В. М.** Сцепление и связность (на материале английской народной сказки): Автореф. дис... канд. филол. наук. - Л., 1979.
6. **Полубиченко Л. В., Егорова О. А.** Традиционные формулы сказки как отражение национального менталитета // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - Москва, 2003. - С. 7-22.
7. **Чуковский К. И.** От двух до пяти. - М.: Педагогика, 1990.

Список источников

1. **Библия.** - М.: Российское Библейское Общество, 1995.
2. **Folktales of England** / Ed. by Katharine M. Briggs and Ruth L. Tongue. - London: Routledge and Paul, 1965.
3. **Gummere Francis B.** Beowulf / Harvard Classics Edition in Modern English Alliterative Verse, 1910. - <http://www.alcyone.com/max/lit/Beowulf/index.html>.
4. **Le Morte d'Arthur:** Sir Thomas Malory's Book of King Arthur and of his Noble Knights of the Round Table. - Volume 1, 2. - <http://etext.lib.virginia.edu/>

О. ХАКСЛИ «ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ»: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА

Александровская Е. В.

Нижегородский государственный педагогический университет

Жанровая структура произведения английского писателя О.Хаксли «Через много лет» [«After many a summer» 1939] представляет собой сложное единство. Здесь наряду с типичными чертами классической романной формы реализма начала 20 века присутствуют черты утопии, антиутопического повествования и научной фантастики.

В центр произведения «Через много лет» поставлена проблема старения человека. Один из главных героев, мистер Стойт, богатейший человек в городе, владелец плантаций и крупнейшего кладбища Беверлипантеон, пребывает в глубоком стрессе от мысли о возможной скорой смерти. Он содержит крупную лабораторию своего личного врача Обиспо, пытающегося решить проблему старения, найти причины нарушений в организме человека, приводящие к смерти. Но не так безобидны действия Обиспо: его попытки понять биологические и анатомические процессы в организме человека есть реализация личного желания завоевать, подчинить себе людей. Ученый Обиспо, наделенный эгоистическими, властолюбивыми чертами, становится опасен: знание в руках злодея может привести к катастрофическим последствиям. Мистер Стойт нуждается в знаниях Обиспо, который психологически ловко манипулирует им, делая полностью зависимым от себя.

Вопрос о научном прогрессе и о людях, в чьих руках все это сосредоточено, решается в ткани романа и в ином направлении. В конце текста автор представляет нам людей, несколько столетий назад принявших некое вещество, продлевающее жизнь. Но кто сейчас эти люди? Можно ли с полной уверенностью назвать их людьми? «Зародыш обезьяны, которому хватило времени вырасти...Вы только поглядите на его лицо...Из глубоких глазниц над спутанными волосами, покрывавшими челюсти и щеки, смотрели голубые глаза. Бровей не было, но под грязным морщинистым лбом проходил широкий, словно полка, костяной выступ. Вдруг из кромешной тьмы выдвинулось еще одно обезьяноподобное лицо - лицо, покрытое волосами лишь слегка, так что можно было увидеть не только надглазый выступ, но и необычную, измененную линию подбородка, костяные наросты перед ушами. Вслед за головой в луче света показалось и тело в старом клетчатом пальто и стеклянных бусах...Замедление темпов развития...один из механизмов эволюции... чем старше антропоид, тем он глупее» [Хаксли 2005: 326]. В погоне за физическим бессмертием они забыли о духовном развитии и превратились в некие существа, полностью лишённые гуманной человеческой оболочки. О.Хаксли ставит вопрос, обрывая роман на полуслове, создавая открытый финал, что может произойти с человечеством, если каждый отрицательный индивид будет иметь вечную жизнь, не обратное ли это возвращение к обезьяноподобному существованию? При практическом применении научных открытий, разработок возможен и обратный процесс регрессирования масс. Таким образом, Хаксли пытается спрогнозировать